

Глава 11

В войсках Ли Тана царило радостное оживление. Особенно ликовал помощник военачальника из Сюнчжоу, Шэн Яньши, который прибыл на подмогу по приказу Цинь-вана. Его лицо сияло от счастья — такая великая заслуга свалилась ему прямо с неба!

По пути Ли Шиминь особо отметил находчивость того самого гвардейца, который проявил не только храбрость, но и смекалку.

— Этот человек показал себя достойно: отважен, умён и способен действовать по обстановке. В следующей битве доверю ему командование небольшим отрядом. Служи усердно, и под моим началом тебя ждёт большое будущее!

С того момента, как Ли Шиминь с отрядом тайно следовал за армией Ли Ми, и до отправки гонцов в Чаньань и Сюнчжоу за подкреплением, прошло немало времени. Две стороны успели провести ещё одну схватку, и теперь небо уже затянуло сумерками.

Шэн Яньши со своими воинами вернулся в Сюнчжоу с докладом, а Цинь-ван с телохранителями и гарнизоном Тунгуаня направился в обратный путь. Он решил заночевать в крепости и с рассветом продолжить путь в столицу.

Днём воины перекусили лишь сухими лепёшками на ходу, и Ли Шэн тоже успел проголодаться.

В Тунгуане его отвёл в конюшню тот самый воин, что изображал посланника.

— Дайте ему лучшего отборного зерна, и чтобы вода была чистой. Это любимый конь Его Высочества Цинь-вана, ухаживайте за ним как следует, — распорядился он и, не доверяя до конца конюхам, постоял рядом, пока Ли Шэн не съел несколько пригоршней корма. — Можешь идти. Ночь длинная и холодная, выпей вина, согрейся. Только смотри, чтобы вода для Салучзы не остыла.

Воин с мужественным лицом вынул из кошель монету и протянул конюху. Тот просиял, отвесил несколько поклонов и, заверив, что непременно позаботится о драгоценном скакуне Цинь-вана, поспешил удалиться.

Убедившись, что вокруг никого нет, гвардеец быстро подошёл к Салучзы. Ли Шэн, всё ещё пережёвывая зерно, непонимающе уставился на него из-под нависшей тени.

«Что ему нужно?»

Взгляд мужчины был сосредоточенным и серьёзным. В этот миг в голове Ли Шэна пронеслись десятки предположений.

«Что он задумал? Почему он так на меня смотрит? Неужели он вражеский шпион? Решил воспользоваться моментом и прикончить меня, коня-провидца? Кто его послал? Враги? Или это внутренние разборки? Неужели Ли Юаньцзи? Чёрт, он мне с самого начала не понравился, так и зыркал в мою сторону. Не можешь заполучить — так уничтожь? Я только-только начал осваиваться, и вот теперь моя жизнь оборвётся?!»

Пока он лихорадочно перебирал в уме варианты, стоявший перед ним человек вдруг сложил руки и низко поклонился.

Ли Шэн замер.

«Что?!»

— Сегодняшней заслугой я обязан тебе. Говорят, даже у трав и деревьев есть душа, что уж говорить о животных. Благодарю тебя.

Быть телохранителем Цинь-вана, конечно, почётно и выгодно, но сегодняшний приказ означал, что князь даёт ему шанс проявить себя и заработать боевые заслуги! Он был безмерно рад этому, понимая, что без Салучзы такой возможности могло и не представиться.

При этой мысли его глаза заблестели. Он подошёл и заботливо расчесал коню спину, прежде чем уйти, оставив Ли Шэна в полном недоумении.

На следующее утро отряд Ли Шиминя выехал в сторону Чанъаня. Смерть Ли Ми требовала решения множества вопросов, связанных с его бывшими подданными, и дел предстояло немало.

По возвращении в столицу Ли Юань щедро наградил Цинь-вана. Какой отец не будет гордиться таким сыном — доблестным, умным, находчивым, способным не только завоёвывать новые земли, но и действовать решительно и осмотрительно? Он на месте сокрушил мятежника, не доставив двору никаких хлопот.

В том же месяце государь осыпал Ли Шиминя новыми милостями: пожаловал ему титул тайвэя, назначил главой Государственного совета Великого регионального командования Шаньдун, повелел ему разместиться в Дворце Чанчунь и отдал под его командование все войска к востоку от заставы.

Вскоре после этого в Чанъань вернулся посланник, отправленный в Лянчжоу для пожалования титулов Ли Гую. Он привёз ответное послание, первая же строка которого привела императора в ярость.

Ли Гуй в письме обращался к нему: «Младший брат, император Великой Лян...» — и при этом отказывался от предложенных династией Тан должностей.

Он называл себя «младшим братом», потому что Ли Юань ранее пытался таким образом расположить его к себе, хотя на самом деле никакого родства между ними не было. Основатель династии принадлежал к знатному столичному роду, а Ли Гуй, хоть и носил ту же фамилию, был родом из Увэя в Ганьсу, из влиятельного местного клана, который, однако, не мог сравниться с потомственной аристократией.

«Раньше я из вежливости называл тебя братом, а теперь, когда ты возомнил себя правителем и смеешь мне перечить, ты ещё имеешь наглость лезть в родственники!»

В гневе Ли Юань приказал задержать посланника Ли Гуя, Дэн Сяо. С этого момента отношения между двумя сторонами были окончательно испорчены.

Через несколько дней император даровал Цинь-вану ещё один титул — великого генерала левой гвардии Ухоу и управляющего Лянчжоу.

Эта череда назначений была не только наградой и утешением для сына, проливавшего кровь в битве за уничтожение Западной Цинь, но и недвусмысленным намёком на дальнейшие военные планы императора.

Во-первых, Дворец Чанчунь — это не тот знаменитый дворец в Запретном городе, а совсем другое место. Он располагался на востоке равнины Гуаньчжун, в современной деревне Бэйчжайцзы уезда Дали провинции Шэньси. Император У-ди из династии Северная Чжоу построил здесь город Цзиньчэн.

Местоположение Цзиньчэна было стратегически выгодным: с высоты открывался вид на горы Хуашань и Чжунтяо, а внизу сливались реки Хуанхэ, Вэйхэ и Лохэ. Благодаря мягкому климату и буйной растительности здесь круглый год царил весна, за что дворец и получил своё название — Дворец Чанчунь, «Вечная весна».

Именно здесь Ли Юань с сыновьями расположили свои войска, прежде чем войти в Чанъань. Передав это место Ли Шиминю, государь недвусмысленно подтвердил его ключевую роль в военной структуре империи Тан.

Во-вторых, что такое «великое региональное командование»? Это высший орган местной власти, появившийся в эпоху Северная Вэй и сохранившийся в начале династии Тан. Эта структура дублировала устройство центрального правительства, имея своих вице-глав и шесть министерств. Её глава, обладая почти неограниченной властью на подконтрольной территории, был, по сути, местным монархом.

Великое региональное командование Шаньдун, согласно планам, должно было охватывать обширные земли к востоку от гор Тайхан и к северу от реки Хуайхэ. Но была одна проблема: эти земли — Хэбэй и Хэнань — ещё не принадлежали Тан. В Хэбэе правил Доу Цзяньдэ, а в Лояне — Ван Шичун.

Это назначение было ясным сигналом: династия Тан намерена расширяться на восток, и Ли Юань положил глаз на земли Хэбэя и Хэнани!

Наконец, должность управляющего Лянчжоу тоже была полна скрытого смысла. Ведь именно этот титул предлагали Ли Гую, а тот в ответ провозгласил себя императором. Теперь же государь передал этот пост своему доблестному сыну, только что сокрушившему Западную Цинь. Это выглядело весьма преднамеренно.

Но какие бы интриги ни стояли за этими назначениями, для резиденции Цинь-вана это была отличная новость! Хотя наследный принц и занимал высокое положение, теперь и Ли Шиминь по власти и влиянию ему не уступал.

Империя ещё не была объединена, и мысли о борьбе за престол не были столь явными, но все понимали, что чем выше положение начальника, тем светлее будущее у его подчинённых. Поэтому в резиденции Цинь-вана царило всеобщее ликование.

Ли Шэн уже несколько дней подряд получал всевозможные лакомства. Его хозяин был очень занят, его постоянно вызывали на совещания, и времени на конные прогулки у него не было. Конь чувствовал, что начинает толстеть.

Вернувшись в Чанъань, где были все условия, Ли Шиминь с размахом заказал для него два новых комплекта сбруи. Их изысканность поразила Ли Шэна.

Сбруя делилась на две части: головную и седельную. Головная включала в себя уздечку, удила и различные ремни для управления и крепления. Седельная — седло, стремяна, подпругу и прочее.

Новое седло князь заказал из дерева, покрытого позолоченными серебряными пластинами. На передней и задней луках были выгравированы узоры из облаков и вьющихся трав — очень изящно.

Если эти узоры ещё можно было принять, то орнамент на крыльях седла Ли Шэну совсем не понравился. Там были изображены переплетающиеся стебли пионов!

Он же мальчик!

Но что было ещё невыносимее, так это то, что окружающие нахваливали этот узор, называя его «роскошным и величественным» и говоря, что он «очень подходит благородному окрасу Салучзы»!

Фиолетовый цвет, конечно, считался благородным. Поэт династии Сун, Ван Чжу, написал знаменитое «Стихотворение вундеркинда», в котором есть строки, известные многим: «Всё в мире низко, лишь учёность высока». Но в том же стихотворении есть и другая фраза: «Весь

двор в пурпуре и багрянце, и все они — люди учёные». Пурпурные и багряные одежды во времена Суй и Тан носили высшие чиновники, так что фиолетовый, без сомнения, был цветом знати.

Но в его представлении такой узор был исключительно женским!

Однако мнение коня никого не интересовало. Прямо как в детстве, когда его наряжала мама, теперь Ли Шиминь использовал его как модель для своей игры в «чудо-коня».

От седла к его бёдрам тянулись ремни, похожие на пояс десе, с отверстиями для подвешивания украшений. Сейчас на нём висели бронзовый брелок в форме колотушки, гирлянда медных колокольчиков в виде двух рыб, пряжка из белого нефрита и небольшая бронзовая накладка в форме мостика.

Ещё был комплект медных колокольчиков, которые, по мнению Ли Шэна, были чистым украшательством. Какой нормальный человек повесит колокольчики на боевого коня? Наверное, это просто для того, чтобы полюбоваться.

Были и различные накладки на ремни: набор пятиугольных пластин с изображением львов и комплект в форме ритуальных скипетров — очень красивые и внушительные, тут он был доволен.

А украшения на лбу и груди были ещё разнообразнее и роскошнее.

На пересечении ремней уздечки, особенно на лбу и груди — самых заметных местах — крепились особые украшения, обычно очень дорогие и изысканные. В глоссарии они называются «цзеюэ».

Он увидел нефритовую накладку в форме суаньни. Суаньни — пятый из девяти сыновей дракона, внешне похожий на льва.

Были также нефритовые украшения в форме трёх- и четырёхлистников, а также агатовые накладки красного, фиолетового, коричневого и белого цветов.

Конечно, всё это не было сделано за один день. Это были личные сокровища Цинь-вана. Семья Ли принадлежала к древней аристократии, и недостатка в ценностях у него не было. К тому же он постоянно воевал, и трофеев тоже хватало. Сегодня, примеряя на Салучзы новое седло, князь, пользуясь редким досугом, решил перепробовать все свои украшения.

Он то снимал, то надевал их, увлечённо обсуждая с окружающими каждую деталь.

Ли Шэн, которого он наряжал, чувствовал себя совершенно измотанным.

«Как же это утомительно! Теперь я понимаю, почему женщины после шоппинга падают на диван без сил. Примерка одежды — это тоже тяжёлый труд!»

<http://bllate.org/book/16003/1444133>